

идущих от самого материала обобщений, характеризующих социальную структуру древнейшего римского общества, с постепенным нарастанием и усилением в нем ведущих его развитие вперед классовых противоречий.

Если говорить о недостатках книги, то прежде всего следует указать на некоторую неровность изложения: в ряде случаев автор выступает как самостоятельный исследователь, в других (как, например, при рассмотрении проблемы италиков на Апеннинском п-ове и вопроса о значении миграции италийских и балканских племен) излагает чужие, подчас достаточно противоречивые мнения, не решаясь иногда отдать мотивированное предпочтение тому или иному из них.

В тех частях книги, где изложение основывается на археологических данных, оно заметно страдает и от явного несоответствия объема привлекаемого южно-италийского материала по сравнению с северо- и среднеиталийским. Объясняется это отчасти определенной научной традицией, сложившейся в то время, когда северная половина Апеннинского п-ова была обследована в археологическом отношении значительно более детально, чем южная. Кроме того, до сих пор материал из раскопок в Апулии и Лукании не имеет столь компактных сводок, как материал Северной и Средней Италии, а разбросан по многим — нередко малодоступным — изданиям. Так или иначе древне-апулийская культура и могильники эпохи раннего железа побережья Канале охарактеризованы в книге настолько бегло, что великогреческие колонии возникают как бы почти без связи и взаимодействия с местным населением VII—VI вв. до н. э., словно на пустом месте.

Археологический материал, характеризующий южноиталийское население эпохи раннего железа, важен и для пони-

мания зарождения и распространения культуры Вилланова в Италии вообще, ибо, например, могильники Тиммари и Торре Кастеллуччо в Апулии близ Тарента должны считаться в такой же степени родиной культуры Вилланова, как и некрополи Болоньи и других древнейших умбро-тосканских центров эпохи раннего железа. Поэтому утвердившееся с давних пор в науке представление о распространении культуры Вилланова по Италии с севера, из долины реки По, в настоящее время нельзя уже считать правильным.

Трудно, разумеется, требовать от столь разнообразной по материалу и проблематике книги, чтобы в ней все было одинаково детально исследовано. Мы могли бы, однако, пожелать в указанных случаях несколько большей компактности и более равномерной организации материала. Излагает ведь автор в последней главе весьма сжато и выразительно целую череду сложных явлений римского государственного развития, без того чтобы попытаться самостоятельно решить комплекс кардинальных вопросов истории римского государственного права, которые он затрагивает лишь настолько, насколько это представляется необходимым для осмысления более детально рассмотренных в книге обстоятельств хозяйственной и социальной истории Рима раннереспубликанского времени.

Но и при всех этих претензиях к книге А. П. Немировского мы должны быть признательны автору, широкие интересы которого позволили ему объединить в цельном изображении элементы материальной и духовной структуры древнеиталийского общества, так что перед глазами читателя возникает вполне полный и целостный исторический организм в его противоречиях и в его движении.

Л. А. Ельницкий

Каталог писем и других материалов западноевропейских ученых и писателей XVI—XVIII вв. из собрания П. П. Дубровского, сост. Е. В. Бернадская и Т. П. Воронова, под ред. акад. М. П. Алексева, Л., 1963, 110 стр. (Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Труды Отдела рукописей).

Составленный сотрудниками Рукошного отдела Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — ГПБ) Е. В. Бернадской и Т. П. Вороновой «Каталог писем и других материалов западноевропейских ученых и писателей XVI—XVIII вв. из собрания П. П. Дубровского»¹ проложил для

исследователей истории науки и литературы Западной Европы на грани средневековья и нового времени путь к источ-

своего пребывания во Франции, Германии, Англии, Голландии и других странах всемирно известное собрание средневековых латинских рукописей. О нем и его коллекции см.: Т. В. Луизова, Собрание рукописей П. П. Дубровского в Гос. Публичной библиотеке им. М. Е.

¹ П. П. Дубровский (1754—1816), русский дипломат, составивший во время

никам исключительной важности, дав первое научное описание нескольких сотен до сих пор почти не изученных и лишь в незначительной степени опубликованных документов. Каталогизированный в этом издании материал представляет собой в подавляющем большинстве писем — автографы крупнейших нидерландских, немецких, французских, итальянских и др. ученых, писателей, художников XVI—XVIII вв. Эта работа, продолжившая научное описание уникальной рукописной коллекции П. П. Дубровского, будет надежным *valeticum* для всех специалистов по истории европейской культуры указанного времени. Однако особую признательность труд Е. В. Бернадской и Т. П. Вороновой, несомненно, заслужит у историков древнего мира и филологов-классиков, ибо ценнейшая часть вошедших в каталог материалов характеризует деятельность крупнейших представителей классической филологии Западной Европы XVI—XVII вв., ученых, создавших своей критической работой над текстами античных авторов прочный фундамент современной филологической и исторической науки.

XVI век представлен в собрании П. П. Дубровского автографами таких ученых, как Филипп Меланхтон, Йозеф-Йюст Скалигер, Юст Липсий, Исаак Казобон и некоторых других.

Рукой Меланхтона написаны отрывки из «Меди» Еврипида, «Фарсалии» Лукана, из Пиндара и др., а также одно письмо. Исследование этого материала в сочетании с такими источниками, как, например, хранящиеся в Научной библиотеке им. Горького МГУ издание Тита Ливия (*Moguntiae in Aedibus Joannis Scheffer, mense Novembri, an. MDXVIII*) с маргиналиями Меланхтона (шифр: Беккер, 5), а также с уже изученными и опубликованными документами позволит еще полнее представить характер ученой деятельности знаменитого сподвижника Лютера и создателя канона классического образования в Германии.

Из грандиозной переписки нидерландского филолога и историка второй половины XVI в. Юста Липсия, выдустившего

в свет фундаментальные издания Тацита, Валерия Максима, Сенеки и Веллея Патеркула, ГПБ обладает лишь пятью письмами самого Липсия и одним письмом к нему, однако все они, принадлежа к интереснейшему периоду жизни великого ученого, периоду его вторичного обращения в католичество и увлечения философскими произведениями Сенеки и оставаясь до сих пор неизданными, должны привлечь внимание исследователей.

Одно из самых почетных мест в ряду блестящих представителей европейской науки XVI в. принадлежит швейцарскому гуманисту Исааку Казобону. Даже в эпоху всеобщего увлечения античными штудиями, великолепного знания древних языков и замечательного трудолюбия Казобон вызывал удивление и восхищение среди своих современников. Его критическому таланту мы обязаны первыми подлинно научными изданиями произведений Апулея и Аристотеля, Дионисия Галикарнасского и Персия, Плиния Младшего и Полибия, Светония и Страбона, Феокрита и Феофраста. Комментированные Казобоном сочинения Поллипа, Диогена Лаэртского и особенно Афиней до сих пор не утратили своего научного значения. Эпистолярное наследие этого выдающегося эрудита представлено в коллекции Дубровского пятью неизданными письмами за 1583—1585 гг., время, когда Казобон, находясь в Женеве, усиленно изучал греческую литературу вместе с критиком филологом Франческо Порто.

Среди ученых XVI в., чьи письма и заметки хранятся в Ленинграде, можно упомянуть также имена Эразма Роттердамского (автограф краткого перечня его писем и произведений), Апри Этьенна (собственноручная запись стиха из комедии Менаандра) и, наконец, имя создателя научной хронологии и одного из первых знатоков греческой и латинской эпиграфики — Йозефа-Йюста Скалигера (опубликованные копии пяти писем к немецким филологам Йоганну Казелину и Марку Вельзеру).

XVII век явился новым важным этапом в истории классической филологии. Этот этап связан преимущественно с именами нидерландских ученых Якоба Перизония, Теодора Рикия, Николаса Гейнзия, Йоганна-Георга Грефе. Большое число писем и заметок названных филологов вошло, по счастливой случайности, в состав собрания П. П. Дубровского и образовало самый значительный комплекс из всех описанных в рассматриваемом каталоге групп материалов.

Рукой историка и филолога, профессора Лейденского университета Теодора Рикия написаны шесть писем и комментарий к первой книге «De oratore» Цицерона. Кроме того, в ГПБ хранятся 49 писем к Рикию немецких и нидерланд-

Салтыкова-Щедрина, ВИ, 1952, № 8, стр. 150—154; М. П. Алексеев, Из истории рукописных собраний, в кн.: «Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX вв.», М.—Л., 1960, стр. 36—62; Т. П. Воронова, Французские средневековые книги в собрании Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Из истории средневековых библиотек и коллекций), в кн.: «Средние века», т. XXII, стр. 258—266. См. также «Предисловие» М. П. Алексеева и «Введение» Е. В. Бернадской и Т. П. Вороновой в аннотируемом здесь «Каталоге писем» (стр. 5—16).

ских ученых за 1663—1688 гг. Среди корреспондентов Рикья — Перизоний (12 писем), Томас Мункер (10 писем), Гейнзий (10 писем), Грефе (6 писем). «Переписка этих ученых с Рикьем посвящена обмену мнений относительно поселения троянцев в Италии, истории основания Рима, анализу текстов Гомера, Гесиода, Ливия, Евтропия, Вергилия, библиографическим разысканиям, отзывам на переводы с греческого и латинского языков» (стр. 21). На оборотной стороне некоторых писем рукой Рикья сделаны различные пометы, часто исторического или текстологического содержания. Все письма не опубликованы.

Замечательным источником для характеристики научных интересов и связей европейских ученых второй половины XVII в. является переписка выдающегося голландского историка и филолога Якоба Перизония, начавшего своей работой «Animadversiones Historicae» (1685 г.) научное изучение ранней римской истории, написавшего одну из первых диссертаций о Диктисе Критском, источнике, заменявшем западноевропейскому читателю до появления в Европе в середине XIV в. греческого текста «Илиады» и «Одиссеи» поэмы Гомера, комментировавшего произведение латинских и греческих писателей, занимавшегося изданием латинской грамматики. В составе коллекции П. П. Дубровского имеется 31 письмо самого Перизония и 74 письма

к нему от ученых Франции, Германии, Голландии. Из 105 писем, связанных с именем Перизония, опубликовано лишь 7.

Даже простое перечисление имен исследователей древней истории и филологов-классиков XVI—XVII вв. способно привлечь внимание специалистов на наши рукописные сокровища. Незнание же почти всего вошедшего в каталог материала должна повысить интерес историков науки к документам, впервые описанным Е. В. Бернадской и Т. П. Вороновой. Можно пожалеть, что такого интереса наши классики пока не проявили: насколько нам известно, за последние 50 лет не появилось ни одной работы, посвященной деятельности филологов-эрудитов XVI—XVII вв. Быть может, выпущенный Рукописным отделом ГПБ каталог пробудит интерес советских ученых к замечательной эпохе создания основ исторической и филологической науки и вызовет желание изучить и опубликовать ценнейшие документы.

Хотелось бы надеяться, что выходом в свет первого печатного каталога западноевропейских рукописей из коллекции П. П. Дубровского Рукописный отдел ГПБ не ограничится и продолжит публикацию научного описания бесценных манускриптов знаменитого собрания. Это уже давно с нетерпением ждут все советские и зарубежные античники и медиевисты.

Б. Л. Фонкин

АННОТАЦИИ

B. BRENTJES, Wildtier und Haustiere im alten Orient (Lebendiges Altertum, Populäre Schriftenreihe für Altertumswissenschaft, XI), В., Akademie-Verlag, 1962, 50 стр., XVI табл.

Эта небольшая популярная книга подводит итоги обстоятельнейшим многолетним исследованиям автора о приручении и разведении домашних и полезных животных в странах древнего Востока¹.

¹ См. также B. Brentjes, Gazellen und Antilopen als Vorläufer der Haustiere im Alten Orient, WZMLU, Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe, XI, 1962, № 6, стр. 537—548, табл. I—III; он же, Die Caprinae, там же, стр. 549—594, табл. I—XIV; он же, Mensch und Ratze im Alten Orient, там же, стр. 595—634, табл. I—XIV; он же, Nutz- und Hausvögel im Alten Orient, там же, стр. 635—702, табл. I—XXVII; он же, Gelegentlich gehaltene Wildtiere des Alten Orients, там же, стр. 703—732, табл.

Являясь одновременно и археологом, и зоологом, Б. Brentjes, исследуя огромный археологический материал, включая иконографический и костные остатки, устанавливает не только породу данного животного, но и делает выводы о степени его домостикации, его ареале распространения и его происхождении. Автор местами привлекает также и данные письменных источников, хотя и не использует их в полной мере. Суммируя названные ра-

I—X; он же, Rückschlüsse auf die Wasserführung und Vegetation im alten Orient anhand der auf den archäologischen Denkmälern auftretenden Fauna, там же, стр. 733—742, табл. I—III; он же, Das Kamel im Alten Orient, «Klio», 38, 1960, стр. 23—52; он же, Der Elefant im Alten Orient, «Klio», 39, 1961, стр. 8—30; он же, Das Schwein als Haustier des alten Orients, EAZ, III, 1962, № 2, стр. 125—138, табл. VIII—XIII; он же, Die Schafzucht im Alten Orient, EAZ, IV, 1963, № 1, стр. 1—22, табл. I—III.